

политика

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ВОЗМОЖНОСТИ И СЛОЖНОСТИ В ПРИМЕНЕНИИ ПОНЯТИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ УСКОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Революция может положить конец самодержавному производству и ненасытной, рвущейся к власти тирании, но она никогда не произведет настоящего переворота в сознании людей. Вместо этого новые предрассудки, подобные старым, приходят им на смену, и служат средством удержания на коротком поводке огромной неразумной толпы.

Kant, 1975. P. 55.

На протяжении большей части современной эпохи Россия стремилась найти подходящую форму политической организации, которая позволила бы институционализировать свойственное ей многообразие и защитить государственную идентичность в процессе поиска эффективных способов взаимодействия со всем остальным миром. С одной стороны, это напряженное состояние может быть определено как стремление к самоутверждению, попытка сохранить верность некой форме самоидентификации (самобытности), корнящейся в национальных традициях, а с другой – как потребность в адаптации к современным нормам и технологическим императивам. Споры, разворачивающиеся вокруг переходного периода в современной России, одновременно являются спорами о прошлом России и о том, как установить баланс между самоутверждением и адаптацией. Самобытность (самость, нуждающаяся в утверждении), испытывая на себе модифицирующее воздействие форм утверждения и адаптации, естественно, продолжает изменяться. Форму политической организации, предложенную сторонниками самобытного пути развития современной России, также нельзя назвать однородной, хотя в широком смысле слова она может быть определена как «традиционалистская». В свою очередь, приверженцы адаптационного подхода проявляют большую склонность к либерализму любой направленности. При этом процесс адаптации может иметь односторонний

характер, о чем свидетельствует доминирование в постсоветский период экономического либерализма.

Частичная адаптация

Адаптация в области политики всегда частична. Попытка в полной мере применить институты одного государства к реалиям другого была бы абсурдной. Политико-культурный подход дает возможность выявить природу и параметры тех самых различий, которые не позволяют произвести подобное копирование институтов. Приверженцы традиционалистского подхода естественным образом видят суть этапа консолидации, завершающего переходный период, в усилении этих различий. Они ссылаются на наличие собственной политической культуры как на причину для отказа от принятия моделей развития извне. В то же время сторонники либеральной экономики 90-х гг. в России подобным различиям практически не придавали значения.

Ключевой характеристикой правления Владимира Путина в 2000 г. было стремление если не найти третий путь, то хотя бы установить новый баланс между самоутверждением (самобытностью) и адаптацией. Что касается российской политической культуры, практика «частичной адаптации» сформировалась под воздействием более ранних форм адаптации. Ими же она, впрочем, и ограничивалась. Правление Путина характеризуется приверженностью определенным типам демократизации. При этом признается и важность того, чтобы процессы внедрения демократических практик осуществлялись в соответствии с национальными особенностями (самобытностью). Таким образом, стратегия частичной адаптации представляет собой тонкую работу, требующую установления баланса. Главная угроза для ее успешного осуществления – присущая ей двойственность. Ее исход всегда непредсказуем, поскольку существует опасность лишиться сторонников как среди традиционалистов, так и среди ориентированных в сторону Запада либералов. Стратегия политической и экономической модернизации, осуществляемая Путиным, лишена таких опор как армия или представители образованной элиты западного образца. А это как раз те социальные страты и институты, на которые традиционно опирались другие модернизовавшиеся режимы. Таким образом, возникает необходимость самостоятельно осуществлять адаптацию сразу по двум направлениям: приспосабливаясь к внешним вызовам современности и внутренним реалиям. Модернизирующиеся технократические режимы оказываются во все большей зависимости от бюрократии, ориентированной на саму систему власти.

С одной стороны, наличие многочисленной бюрократии способствует внедрению инноваций, обеспечивая модернизирующееся правительство необходимой поддержкой. С другой же, свойственная бюрократии жажда власти и стремление к установлению жесткого

контроля могут подорвать основы модернизации и привести к уничтожению свободы как таковой.

Главная дилемма на сегодняшний день заключается в том, является ли очевидный дефицит демократических традиций в царской и в коммунистической России приговором к авторитаризму, или же в этот раз России все-таки удастся выйти на «центральную магистраль развития мировой цивилизации».

В этой связи закономерно возникают вопросы: возможно ли в России утверждение демократии с опорой на гражданское общество и рыночную экономику? Обладает ли Россия политическими и социальными ресурсами, достаточными для установления длительного и жизнеспособного порядка, построенного на балансе между так называемыми «формами осуществления государственного управления» (по Экштейну), и другими общественными единицами? Возможно ли достижение устойчивого равновесия между самоутверждением и адаптацией, будет ли оно иметь демократический характер?

Путин, а также многие представители политических кругов в России склонны обращаться к национальному чувству русских не только в контексте противостояния с Западом, но и для легитимации своей политической линии. И хотя подобная практика не всегда противоречит демократическим ценностям, слишком часто она оказывается порождением популистской, управляемой и подотчетной демократии.

В то же время, двойственная природа стратегии «частичной адаптации» и недостаток институциональной консолидации предоставляют широкие возможности для использования этой двусмысленности различными сегментами общества в их собственных интересах. Сюда относятся органы безопасности и экономического регулирования, а также некоторые различного рода экономические акторы (включая и сектор теневой экономики). Проще говоря, всегда ли такая составляющая, как самоутверждение, необходимое для легитимации правления в мире национальных государств, противоречит процессам адаптации как попытке приведения своих стандартов в соответствие с доминирующими нормами современного Запада?

Что касается ситуации в современной России, то здесь мы имеем дело с модернизирующимся технократическим режимом и его союзниками в лице бюрократии, которые предприняли попытку выбрать некий срединный третий путь.

Оставим пока идеи Экштейна, вернувшись к ним позже, а пока отметим, что те, кто берется комментировать данную ситуацию, часто оказываются в тупиковом положении.

Если исконная логика самоутверждения в России ведет к установлению моноцентричной системы правления, то с помощью какого механизма можно переломить эту логику и существует ли такой

механизм в принципе? Если такого механизма нет, то деятельность борцов за установление ответственного правления и торжество правовых норм вообще представляется бессмысленной. Однако подобная трактовка ситуации была бы явным злоупотреблением в использовании политико-культурного подхода. С помощью политической культуры всегда лучше получается толковать прошлое, чем предсказывать будущее. Как отмечал один из вдохновителей демократического движения в Китае Фанг Лизи, следует остерегаться ошибочных посылок, основанных на «законе сохранения демократии», и идее о том, что в обществе действуют законы, подобные законам сохранения энергии в природе: ничто не исчезает и не появляется, а происходит лишь постоянная смена формы (*The Independent, 18 January 1989*).

Во избежание подобных злоупотреблений, в рамках данной статьи на основе российского примера предпринимается попытка более политически обдуманно применить политико-культурный подход. Мы попробуем выявить большее количество вариантов общественного развития, нежели те, которые предлагаются при упрощенном использовании понятия политической культуры. В то же время, для каждого этапа развития существуют свои ограничения, обусловленные таким фактором, как общественные предрассудки политико-культурного характера. Лишенное критического осмысления приспособление к внешним стандартам может играть такую же дестабилизирующую роль в обществе, как и полное стремление к самоутверждению.

**История:
детерминизм и
богатство
возможностей**

Во время встречи с западными учеными и журналистами 6 сентября 2004 г. Путин подчеркнул, «что история России и уникальные черты, отличающие ее от других стран, являются причиной иного, несопоставимого с западным способа функционирования здесь ряда механизмов» (*Известия, 10, 11 сентября 2004*).

При оценке перспектив установления демократии политические традиции играют ключевую роль, однако в России до сих пор так и не сложилось консенсуса по поводу прошлого страны. Если при объяснении переходных процессов, происходивших в Центральной Европе, ведущую роль играла интеллектуальная школа «возрождения истории» (*Glenny, 1990*), то для России вопрос заключается не в возврате к прошлому, а, говоря языком послевоенной Германии и периода воссоединения, в его преодолении. Обладает ли сейчас Россия так называемой «удобной моделью прошлого», выраженной в традициях, способствующих воспроизводству и легитимации недавних демократических преобразований, ставших одним из самых радикальных явлений в российской истории? В какой степени Россия ограничена рамками выбранного пути, из которых она никак не может вырваться? (*Bunce, 1999.*)

Многие аналитики склонны считать, что препятствия для демократического развития России уходят корнями в историческое прошлое страны. В частности, Лео Хартог (*Leo Hartog, 1996*) утверждает, что двухсотлетнее влияние татаро-монгольского ига создало предпосылки для становления «восточного деспотизма» как модели имперского правления. Подобная интерпретация российской политической культуры имеет долгую историю. Самонадеянность западных наблюдателей и их нелюбимые выводы о стране, сделанные на основании лишь поверхностного знакомства с ней, вызывают недоумение.

Если Алексис де Токвиль при написании своей работы «Демократия в Америке» опирался на данные, полученные в ходе масштабных поездок по всей стране, то маркиз де Кюстин, совершив в 1839 г. небольшое путешествие в неведомую ему доселе страну, находился в России всего лишь около 30 дней. Для Кюстина «Россия – это страна, в которой военная дисциплина вытеснила гражданский порядок, а узурпация власти государством является нормальным состоянием общества» (*Custine, 1991. P. 44*). Кюстин говорил о такой отличительной характеристике правления, как выборочное применение западных механизмов, способствующей усилению архаических форм правления. Позже это стало характерным и для большевиков.

«Начиная с Петра I, проблема, стоящая перед правителями России заключалась в том, чтобы перенять достижения европейских стран в административной сфере и использовать их для управления населением, насчитывающим более, чем шестьдесят миллионов человек, по восточному образцу. Правление Екатерины Великой и Александра лишь замедлило процесс созревания нации, который до сих пор так и не завершился» (*P. 102*).

Письма Кюстина заложили основу для формирования интеллектуальной традиции в изучении России, превосходно изложенной Тибором Самуэли в работе «Российская традиция» (*Szamuely, 1988*). По его мнению, «наиболее трудно постижимая и чуждая черта, которая придает особый колорит российской действительности и бросается в глаза при каждой попытке ее описании на Западе, – это ужасающее господство всемогущего государственного аппарата над личностью, собственностью и даже мыслями подчиненных» (*P. 8*). Он предложил «тезис о границах», утверждая, что отсутствие естественных границ и повторяющиеся циклы вторжений и отражения захватчиков, оккупации и колонизации создали предпосылки для становления всемогущего российского государства.

Наиболее общей чертой в работах центрально-европейских авторов является стремление вытеснить Россию из Европы, отодвинув ее на задний план, подчеркивая при этом свою собственную принадлежность к европейскому сообществу. Типичный пример тому – нашумевшая

статья Милана Кундера «Трагедия центральной Европы» (Kundera, 1984). Одно из ведущих направлений в российской мысли приходило к такому же выводу, но с противоположного угла зрения. Однако здесь постоянно приходится сталкиваться с двойными стандартами, а однобокость взглядов большинства этих авторов продолжает вызывать удивление, указывая на излишнюю самонадеянность как Запада, так и России.

Тим МакДэниэл (*McDaniel, 1996. P. 10-14*) писал о том, что российское общество оказалось в культурной западне, препятствовавшей его успешной адаптации к западной модели модернизации. С его точки зрения, это было отчасти связано с «русской идеей», мессианской верой в то, что Россия может найти особую дорогу в современное общество посредством формирования своих собственных институтов и ценностей, отличных от западных (*см. также Duncan, 2000*). К этим ценностям относятся крестьянская община, крепостное право, православная церковь, сильное чувство принадлежности к общине, основанное на крестьянской изоляции, высокоразвитая духовность, общественное равенство и идея народности. «Русская идея» является основой идентичности, имеющей как религиозную, так и светскую составляющие. Согласно МакДэниэлу, стремление российских императоров встать на путь вестернизации, сохраняя приверженность остаткам «русской идеи», и было ранней версией частичной адаптации, основанной на противоречиях, в итоге ставших причиной крушения автократии. Для Такера (*Tucker, 1987*) советская система стала новой формой существования традиционного российского авторитаризма. Такая точка зрения смещает акцент внимания с внутренних ресурсов поддержания авторитарного большевистского строя.

Дэниэлс (*Daniels, 2000*) рассматривает советский режим как один из этапов сложного процесса модернизации в России. При этом идеологические составляющие проекта большевиков, в особенности советская демократия и рабочий контроль, были изначально обречены на провал. Однако, что касается истинной исторической роли советского эксперимента, то он был далек от полного поражения (*P. 264*). С его точки зрения, в период посткоммунистической трансформации не сложилось адекватного представления о достижениях советской власти в области модернизации, что привело к стремительному распространению устаревшего варианта западной идеологии. Советская элита, при этом, была лишена интеллектуального инструментария, позволяющего постигать реалии процесса модернизации (*P. 266*). Иными словами, российские либералы приступили к активному копированию внешних механизмов, не адекватно восприняв, при этом, все то, что было уже достигнуто унаследованной ими системой.

То же самое, в первую очередь, можно сказать и о модернизации, осуществляемой самими большевиками, а также о постоянных

попытках «перескочить в модерн» и частых сбоях в полученных результатах, – все это достаточно точно характеризует российскую политическую культуру (White, 1979b). В то же время, противодействие западной модели модернизации в постсоветский период, представлявшееся как «первая реакция со стороны России», по мнению Траскотта (Truscott, 1997), и создало предпосылки для оформления путинской стратегии частичной адаптации, базирующейся на его понимании вопросов преемственности.

«Моноцентричное государство» и отчужденный суверенитет

Если анализ особенностей немецкой истории сводился к рассмотрению отличительных черт развития немецкого общества и капитализма (Blackborn and Eley, 1984), то с самого начала представляется очевидным, что изучение российского «особого пути» должно фокусироваться на диспропорциональном характере развития в пользу государства и за счет интересов общества. Используя современный оборот, это можно обозначить как гипертрофию государства при атрофии гражданского общества. Начиная с противостояния татаро-монгольскому игу, нанесенного поражения шведам и туркам, немцам и французам, и заканчивая сегодняшней борьбой с терроризмом (Путин, 2004), вопрос государственности всегда играл центральную роль, поскольку развитие общественного суверенитета, даже в квази-демократических формах, происходило очень медленно.

В процессе государственного развития можно выделить четыре аспекта: государство как защищающий себя геополитический объект своим имперским облике распространяющий влияние на соседние территории; взаимоотношения государства и общества, при котором геополитические интересы государства превалируют над развитием социума (как это охарактеризовал Кюстин, «инфантилизм нации»); внутренний характер государственной организации (государство как управленческий аппарат); государство как элемент системы международных отношений.

Взаимодействие между этими факторами было дополнено предложенной Пивоваровым и Фурсовым (Пивоваров, Фурсов, 2001) концепцией моноцентричной системы власти, названной ими «Русской системой». Русская власть, возникшая в период, обозначенный авторами как «великая автократическая революция» (1517-1649), стала единственным социальным субъектом, активно действующим в рамках характерного для русской системы социального порядка, при котором население было принижено до положения популяции. После Октябрьской революции русская система приобрела массовый характер, превратившись во Властепопуляцию, дистанцированную от всех общественных субстанций. Таким образом, в очередной раз не только суверенитет народа был отчужден и передан властной системе, но сама по себе нация (вспомним аргументацию де

Кюстина) оказалась неразвитым субъектом политического процесса. Русская система подвергалась разрушительному воздействию четырех этапов перераспределения власти и собственности: опричнины Ивана Грозного; реформ Петра Великого; большевистской революции; трансформаций периода Горбачева и Ельцина. Развитие в советское время номенклатуры позволило потенциалу русской системы реализоваться в полном объеме и доминировать по всей стране, а также привело к тому, что ее антидемократические черты в итоге одержали верх.

С точки зрения Пивоварова и Фурсова (*Пивоваров, Фурсов, 1997. С. 90*), автономия независимых акторов встречается достаточно редко и длится недолго: «Русская власть является моносубъектом, ее обычное функционирование характеризуется либо полным отсутствием других субъектов (теоретически), или же их неполноценной, второстепенной и чисто функциональной ролью подчиненных». Таким образом, долгая российская история видится ими как единый процесс, продлившийся до крушения русской системы, торжествовавшей в советский период.

Пивоваров в своем анализе российской политической культуры пошел дальше, сконцентрировав внимание на фигуре Ленина с его излюбленной идеей форм собственности, или, как это определил сам автор, «перераспределительной российской властной системе». По его мнению, сегодняшняя политическая культура в России продолжает демонстрировать заметное сходство с культурой XIII века периода становления российского государства, что в новых условиях может вновь завести страну в тупик.

Стивен Маркс (*Steven Marks, 2003*) привел аргументацию властной системы к логическому выводу, утверждая, что российский партикуляризм заключается в отрицании либеральной демократии и институтов рынка, и является точкой сплочения противников Запада и либеральной демократии. Чтобы доказать патологический характер российского случая, он ссылается на таких авторов, как Толстой и Достоевский. Подобное видение российской истории, направленное на выявление тенденций, является наиболее упрощенным изложением сути политико-культурного подхода. С.Каспэ (*Каспэ, 2001-2002. С. 20*) комментируя эту работу, указывает на слишком сильный оттенок фатальной обреченности в духе А.Ахизера, А.Янова и иных конструкторов фундаментальных (и чудовищно примитивных в силу самой этой фундаментальности) «базовых стереотипов российской цивилизации». Более утонченный подход, предложенный «государственнической школой» российской историографии Милюкова, и по сегодняшний день встречает широкий отклик. Суть этого подхода сводится к тому, что история России рассматривается как длившийся тысячелетиями процесс объединения российского государства, пример беспрецедентной настойчивости и героизма (*Поздняков, 1993. С. 5*).

Идея всемогущества царского правления, даже с исторической точки зрения была подвергнута сомнению, в особенности, теми, кто испытал на себе влияние российской патриотической мысли. Сергей Пушкарев полагает, что, приоткрыв завесу истории, можно обнаружить не только обличающие факты. По его утверждению, «широко распространенная мысль о том, что русские люди всегда жили в рабстве, привыкли к такому положению дел и не в состоянии свободно распоряжаться своими жизнями, приходит в противоречие с историческими фактами» (Пушкарев, 1988. С. 15). Прочерчивая тонкую грань между царским режимом и пришедшим впоследствии тоталитаризмом, Пушкарев стремился выявить не связь советской системы с царизмом, а элементы демократии и свободы, встречающиеся в российской истории и доказывающие, с его точки зрения, существование различных альтернатив свободного развития страны. Автор ссылается на многочисленные примеры, обозначенные им как длительная борьба за самоуправление и личные свободы, ограничиваемые княжеской властью. В особенности он обращает внимание на роль таких институтов, как боярская Дума и Народное Вече (Пушкарев, 1988. С. 2). Интересно, что во время упомянутой выше встречи 6 сентября 2004 г. В.Путин указал на сходство демократии новгородского Вече, решения которого принимались посредством крика, с хаотичным характером демократии сегодняшней.

В то же время, более эффективным представляется не концентрировать внимание на относительной силе прямого взаимодействия «государство – общество», а проанализировать природу самой российской государственности. Отсутствие развитого гражданского общества лишило российское государство крепкой основы, придав ему доминирующий, практически военно-оккупационный характер. Эта идея точно подмечена Грамши в его известном изречении: «В России государство являет собой все, а гражданское общество первобытно и расплывчато» (Gramsci, 1971. P. 238).

Однако и здесь существовали другие позиции, опровергающие аргумент Грамши. В своей работе «Либеральный город, консервативное государство» Тёрстон (Thurston, 1987) рассматривает развитие московской политики накануне революции. Москва как город, жители которого придерживались старых верований, был, по большей части, представлен легкой промышленностью и внутренним капиталом. Он далеко ушел от модели, характерной для Санкт-Петербурга, где доминировали тяжелая промышленность и иностранный капитал. Гражданское общество в Москве вовсе не было аморфным и вполне могло противостоять захвату власти большевиками, если бы не вмешательство кронштадтских матросов и латышских стрелков.

Брэдли (Bradley, 2002) приводит множество аргументов, подтверждающих вероятность возникновения гражданского общества в дореволюционный период, однако он отмечает недостаточную интеграцию общественной сферы в политическую жизнь того времени.

Советский режим также характеризовался двумя недостатками, типичными для царской системы: мощная государственная власть утратила свою силу вследствие недоразвитости автономных институтов; взаимодействие же между режимом и обществом строилось по принципу военной модели.

Маркс видел решение общественных конфликтов в ликвидации гражданского общества; Ленин считал элементарную ликвидацию политики как таковой эффективным способом достижения политической интеграции революционного общества (*Polan, 1984*).

Командно-административный характер правления коммунистической партии и персонифицированное лидерство, особенно в сталинский период, соперничали за возможность доминирования в стране, однако государство так и осталось управленческой силой, не став при этом автономным политическим институтом. Попытка отделить партию от государства, предпринятая Горбачевым во время перестройки, привела к распаду и того, и другого.

По мнению Брауна (*Brown, 1984. P. 188*), незадолго до крушения советского строя на культурном уровне сложилось три тенденции, «поддерживающие сохранение существующего положения дел». К ним можно отнести боязнь хаоса, патриотизм и уважение к пантеону советских лидеров, в первую очередь, к Ленину, что и сегодня выражается в продолжающейся ностальгии по советскому времени. Из этого можно сделать вывод, что определенная преемственность на культурном уровне имела место, в то время как главная ошибка была совершена в политической области, о чем свидетельствует относительно легкий и быстрый распад советской системы и дезинтеграция советского государства. (Для более подробного рассмотрения потенциала реформирования советской системы следует обратиться к работам Коэна (*Cohen, 2004*), Брауна (*Brown, 2004*) и Крэмера (*Kramer, 2004*).

На сегодняшний день основной вопрос заключается в том, возможно ли в России построение современного функционально дифференцированного государства, опирающегося на консенсус и цивилизованные формы легитимации власти.

**Политическая
культура:
ограничения и
фактор
непредвиденности**

Политическая культура позволяет объяснить прошлое, но под вопросом остается эффективность этого понятия для трактовки настоящего. Как отметил Браун (*Brown, 1989. P. 21*), политическая культура не остается неизменной, но, при этом, и не меняется в одночасье. Объяснению каких явлений служит этот концепт: поведения элит, ориентаций общества по отношению к власти и авторитету или многообразия субкультурных факторов и тенденций? И если принять предложенное Уайтом (*White, 1979a. P. 1*) определение политической культуры как «матрицы моделей поведения и восприятия, в рамках которой расположена политическая система», то у нас практически

не останется пространства для воображения. Это в последствии признал и сам автор, предостерегая читателя от «ошибочных попыток применения методологии естественных наук к исследованию человеческих отношений» (White, 1984. P. 352).

Из приведенных выше точек зрения становится ясно, что споры о моделях исторического развития в России то доходили до точек экстремального детерминизма, то приводили к преувеличению роли вероятности. Возникает вопрос: можно ли получить некий синтез различных точек зрения, и, если да, то в какой форме? В идеальном варианте, разрешение споров о роли политической культуры в процессе изменений должно, выходя за рамки малопродуктивных противопоставлений, предложить концептуализацию, способную включить все точки зрения, не отрицая, при этом, противоречивые. Подобный синтез не входит в задачи данной статьи. Вместо этого мы попытаемся очертить границы для проведения такого рода анализа. Политико-культурный подход может быть использован в различных случаях. Мы можем обратиться к нему как наблюдатели, политики, как участники процессов, кроме того, он мог бы способствовать общему пониманию моделей исторического развития.

Разнообразие культурных традиций

Джеймс Александр (Alexander, 2000. P. X) пишет о том, что был «порой просто потрясен поверхностными и, по-видимому, ошибочными попытками отобразить ожидания, поведение и убеждения русских». Это побудило его приступить к масштабному исследованию всей сложности многогранной природы российской политической культуры. Он акцентировал внимание не столько на узко очерченном концепте *политической* культуры, сколько на широком понятии *культуры* как таковой и его возможностях меняться.

Александр утверждает, что политическая культура нации не может быть сведена к нескольким измеряемым параметрам, а представляет собой сложную сеть гибких взаимоотношений и противоречий, которые он пытается понять, прибегая к так называемым «нестандартным подходам».

Автор считает, что предположение о Наличии гомогенной политической культуры нации является заблуждением, поскольку у каждого из входящих в нее сообществ можно выявить собственные политико-культурные особенности. Выделяя два вида политической культуры: «демократическую» и «авторитарную», автор говорит и о возможности существования смешанных типов. Чтобы охарактеризовать состояние политической культуры в период ускоренных преобразований, он также вводит еще одну переменную, которая в определении Экштейна (Eckstein, 1998) звучит как «бесформенность».

Главный вывод сводится к тому, что политическая культура России все еще несет на себе отпечаток советского авторитаризма,

несмотря на то, что, после отказа от идеи коммунизма она получила мотивацию (Р. 3) для развития либерально-демократических ценностей. Эта мысль была развита Николаем Петро (*Petro, 1995*). С его точки зрения, политическая культура нации состоит из различных пластов. Он выделил двойственный характер политической культуры России, обозначив одну из ее составляющих как «скрытый демократизм». В последующей работе, посвященной Новгороду, Петро (1995) ссылаясь на идею множественности традиций и роль исторической памяти как важного ресурса политического капитала, который может помочь приспособить понятие демократии к исконному народному языку (см. также *Puthnam, 1993*).

Каузальный детерминизм

Вряд ли кто-то решится установить прямую связь между политической культурой и формой политических институтов, а также политическим поведением. Однако базовый постулат ряда теорий политической культуры сводится к тому, что наиболее распространенные в обществе убеждения в той или иной степени влияют на формирование политической системы. Вопрос состоит в том, может ли общество заключать в себе ценности, способствующие становлению и развитию демократии, и как их установить? К тому же, остается неясным, как эти ценности влияют на тот или иной выбор общества. Более того, как следует из аргументов Экштейна, если между общественными ориентациями и властными институтами образуется разрыв, то политическая стабильность оказывается под угрозой. Похоже, что события разворачивались подобным образом в конце советского периода, когда зарождавшееся гражданское общество, усложнившийся характер экономики и рост социальной дифференциации не соответствовали логике закоренелого архаического уклада политического устройства страны.

Многие ученые видят подобные противоречия в процессе консолидации государства под руководством Путина. Данные противоречия обусловлены, помимо прочего, появлением среднего класса, насчитывающего к 2004 г. около 13 млн человек (*Московские Новости, 15-21 сентябрь 2004 г.*). С точки зрения Бэррингтона Мура (*Moore, 1967. P. 418*), демократия невозможна без буржуазии. В то время как Сеймур Мартин Липсет (*Lipset, 1959, 1994*) и ряд других исследователей (см. например, *Rueschmeier, 1992*) особое внимание уделяли каузальным зависимостям между уровнями социального развития и демократией, политико-культурные ориентации современной буржуазии в России остаются темой для дальнейшего изучения.

Евгения Альбац поставила вопрос так: «Действительно ли именно наличие общественного запроса на авторитарное правление было главной предпосылкой для становления режима Путина, или

же, пропаганде Кремля, стремившейся подавить политическую и экономическую оппозицию, удалось столь успешно развить этот миф, что он стал похож на правду?» (*Moscow Times*, 17 Май 2004). В данном случае, обращение к понятию политическая культура представляется целесообразным, поскольку оно позволяет нам формулировать четкие и конкретные вопросы, а в идеале – выводить сложные причинно-следственные взаимосвязи.

Роль истории

Советский строй не исчез полностью, элементы его сохранились, став частью новой посткоммунистической системы.

Наиболее существенным изменением было крушение партийной структуры, опиравшейся на почитание авторитета Ленина, хотя некоторые ее черты можно встретить и сегодня. При этом они отличаются от старого персонафицированного и авторитарного типа политики. К тому же, политическая система ленинизма опиралась на политическую незрелость якобы суверенного народа, в то время как ключевые решения принимались не в ходе политического процесса и свободной конкуренции различных точек зрения, а на основе заранее известных позиций. В период советского строя имело место масштабное отчуждение суверенитета. Отчасти оно было обусловлено инстинктом выживания самой властной системы, а отчасти – привязкой к идеологическому проекту (однако, в ходе изменения ряда существенных черт данного проекта поменялись и те цели, которым было подчинено его осуществление). Модернизация, происходившая в посткоммунистический период, привела к закреплению присущих советскому времени элементов незрелости политического сознания и отчуждения суверенитета индивида. К примеру, Реддэви и Глински (*Reddaway and Glinsky*, 2001) охарактеризовали это время как «рыночный большевизм». Постсоветская элита, появившаяся в результате крушения старого строя, концентрировала все внимание на процессе перераспределения собственности, (как отметил Пивоваров), не заботясь при этом об интересах третьих сторон, в то время как основная часть населения вынуждена была довольствоваться символической компенсацией. Политико-культурный подход позволяет нам выявить определенные повторяющиеся модели, которые выходят за рамки конкретных эпох и режимов.

Лидерство и политический капитал

Чем можно объяснить существенную смену курса в управлении страной, наметившуюся при переходе от режима Ельцина к правлению Путина? Очевидно тем, что личностные черты лидера сыграли в этом свою роль – их связь с характером проводимой политики всегда можно было выявить. В добавление следует сказать, что, будучи тесно

связанными с конкретной эпохой, лидерские качества оказываются под воздействием задач, стоящих перед обществом на том или ином временном отрезке.

Ссылаясь на концепцию, сформулированную Джеймсом Мак-Грегором Бернсом (*Burns 1978*), Арчи Браун предлагает различать «лидеров-трансформаторов» и «лидеров-трансакторов», поскольку первые вместе с политическим курсом меняют и саму политическую систему, в то время как вторые достигают существенных изменений в политике, не выходя за рамки действующего политического порядка (*Brown, 2001. P. 6-8*).

Путин вполне определенно подошел к российской политической традиции. Именно запас политического капитала повлиял на его видение роли политики в модернизирующемся обществе. Эта тема освещена в самом первом и важном выступлении Путина. Россия не станет в ближайшее время, (если, конечно, этому вообще когда-нибудь суждено случиться), так называемой «демократией во втором издании» по модели США или Британии – стран, где демократические ценности имеют древнюю историю. Наши государственные структуры и институты всегда играли крайне важную роль в жизни страны и ее народа. Русские не видят в сильном государстве аномального явления, которое необходимо ликвидировать. Напротив, оно является для них основной гарантией порядка, а также главной движущей силой для осуществления изменений (*Sakwa, 2004. P. 257.*) Путин говорил о величии страны (державности), традициях патриотизма и общественной солидарности, вместе с тем отвергая любые попытки навязать России монолитное видение «русской идеи» или приписать тоталитарные формы осуществления политического господства.

Путин явно стремился соблюсти баланс между собственным видением российской политической культуры и ролью плюрализма, необходимого параметра, позволяющего стране занять свое место в мировом сообществе на правах важного партнера. Политический проект, осуществляемый Путиным, является своеобразным шагом, направленным на установление нового равновесия между самоутверждением и адаптацией. Для достижения данной цели он опирался на старый политический капитал, в то время как вышеупомянутый поиск баланса стал одним из главных средств создания нового. (Практическое осуществление этой политической линии подробно рассмотрено в работе *Е.Шецмонал, 2004*).

Позднее стало ясно, что нерегулируемый процесс демократизации, с точки зрения Путина, представляет собой не меньшую опасность для модернизации, чем коммунистическая реставрация. Такая точка зрения, позволяя власти рассматривать себя в роли арбитра, обладающего правом устанавливать допустимый предел свободы политических действий, в очередной раз поставила под угрозу политический режим. Вопрос нетерпимости моноцентричной системы к

независимым акторам был отмечен выше. Задача этой статьи состоит не в том, чтобы определить, насколько жизнеспособна была подобная система. Здесь мы хотим обратить внимание на то, как вышеупомянутые традиции использовались Путиным в качестве нормативного ресурса для восстановления эффективной работы государства. Такая политика нашла широкий отклик в обществе, о чем свидетельствует стабильный и высокий рейтинг Путина в период его первого срока правления и переизбрание на пост президента в 2004 г., хотя ко второму сроку эта поддержка снизилась.

Стремление Путина балансировать между политикой «самоутверждения» и «адаптации» было разгадано, в результате чего он становился все более зависим от нео-советски настроенного крыла административной системы, всегда скептически воспринимавшей Запад (несомненно, исходя при этом, из благих намерений).

Неспособность подводить итоги прошлого

Маршалл По (*Poe, 2003*) считает, что самоутверждение (если пользоваться терминологией данной работы), с большей степенью вероятности, нежели адаптация, позволит России выжить как нации. Мерилом успеха является способность заимствовать элементы западной системы (а не приспосабливаться к ней), формируя, при этом, достаточно сильное политическое образование, способное не просто выживать во враждебной среде (постоянно подвергаясь нападениям с разных сторон), но и изолировать себя от процессов модернизации. Эта цель была достигнута посредством наложения ограничений на публичную сферу, регулирования экономики, и перераспределения ресурсов в пользу военного сектора. Общество же в этих условиях оказалось подчинено идее спасения государства. С точки зрения По, формирование авторитарической модели, в ее имперском и советском облике, стало, своего рода, феноменальным успехом.

Именно конфронтация с Западом заставила Россию пойти по своему особому пути. В то же время, сама Европа стала моделью развития, которую стремилась скопировать наиболее прогрессивная часть российского общества. Запад всегда воспринимался в России неоднозначно: будучи одновременно и образцом для подражания, и угрозой. Таким образом, как считает Ньюманн (*Neumann, 1995, 1999*), Запад не воспринимался Россией как некий «другой», относительно которого можно было бы идентифицировать себя.

Напряженность, вызванная двумя противоречивыми тенденциями, автономной ролью Великой державы и стремлением интегрироваться в современный политический и экономический мировой порядок (см. *Goldgeier and McFaul, 2003*), особенно ярко проявилась в период после трагических событий в Беслане в 2004 г. Для Путина вопрос состоял в спасении России как национального государства, в то время как для Запада обеспокоенность была связана с угрозой

демократическим нормам. Это различие в интерпретациях стало яркой иллюстрацией не просто ценностного разрыва, но серьезного конфликта восприятий, коренящегося в проблематике, проанализированной Маршаллом По.

Попытка найти альтернативный западному путь к модерну, который не был бы ни европейским, ни азиатским, ни русским – достаточно противоречивая задача, вновь поставленная после распада коммунистического строя. Требование отказаться от имперского и советского прошлого, предъявляемое рядом так называемых «демократов» представляется крайне проблематичным. Но неспособность раскаться и примириться со сталинским прошлым, говоря языком Солженицына, позволит политической конъюнктуре сталинского периода сохранить позиции действующей силы в современной политике (*Boobbyer, 2005*). Эпплбаум (*Applebaum, 2003*) живо описал, как ГУЛАГ отбрасывает свою темную тень на политику сегодняшней России, где так и не было организовано согласительных комиссий, или принято законов, направленных на искупление этой вины, не было принесенных извинений и компенсации. Все, что было предпринято – это «реабилитация», организованная с помощью комиссий Александра Яковлева, странный шаг, признание тех страданий, которые перенесли жертвы советской системы, сделанное на советском же уровне.

Гарри Каспаров, председатель либерального «Комитета-2008», активно боровшийся за то, чтобы после выборов удалось сохранить хотя бы отдельные элементы плюрализма и свободной конкуренции, назвал Путина типичным сталинистом: «Практически по всем вопросам он высказывается старым советским языком. Он подавляет свободу прессы, препятствует свободному развитию бизнеса, он увел Россию с демократического пути развития» (*Mosnews.com, 14 сентября 2004, Johnsons Russia List 8368/1*). По мнению Г.Каспарова, основной ресурс посткоммунистических нео-традиционалистов заключается в неумении страны признать вину советских предшественников.

Программа «третьего, исконно русского пути», предложенная Путиным, появилась как способ, позволяющий выйти за пределы двух конкурирующих ориентиров – самоутверждения и адаптации (*Sakwa, 2004*). Однако конфликт между идеей возврата к прошлому и его отрицанием имел скорее не конструктивное значение для осуществления данной цели, а загнал страну в рамки нового выбора, поставив перед очередной неразрешимой дилеммой.

Политико-культурный подход позволяет установить типичные для всех развивающихся обществ социальные причины неудач в разрешении этого противоречия.

Эта модель политического развития, с характерными для нее необходимостью осуществления выбора между двумя крайними точками, аксиологическим характером политики, правлением в условиях постоянного кризисного урегулирования, а также дистанцированностью

власти от общества, модель, в рамках которой все же удалось осуществить некую особую форму адаптации российской политической культуры к демократическим стандартам, и заключала в себе причины серии политических поражений (*Бляхер, 2002*).

Лишь в том случае, если общество способно сделать выводы из своего прошлого и придать институциональный характер существующим противоречиям, порядок может прийти на смену бесконечным попыткам установить равновесие в рамках политики стабилизации. Однако, когда противоречия принимают преимущественно политическую форму, они приводят к сбою в работе всей политической системы, к ее расшатыванию. «Конституционный переворот», осуществленный Путиным 13 сентября 2004 г. после событий в Беслане, когда он огласил ряд мер, включающих назначение губернаторов, казалось, и был движением в этом опасном направлении, или, с точки зрения сторонников демократии и федерализма, большим шагом в обратном направлении. Многие восприняли это как долгожданный для России откат назад. Другие оправдали такие действия, утверждая, что, несмотря на попытки адаптироваться к западным идеям, Россия объективно неспособна жить в соответствии с западной моделью, «поскольку, благодаря особенностям нашего исторического развития, процесса становления национальной психологии и национального характера, в России сформировался... свой собственный Евразийский тип политического поведения» (*Игорь Топореский, Российская газета, 14 сентября 2004*).

Эмпирическая идентификация российских граждан

Изучение политических ориентаций жителей России стало одним из основных направлений посткоммунистических исследований. В то время как традиционные интерпретации российской политической культуры характеризовали ее как пассивную, коллективистскую, ориентированную на государство и доминирующее положение лидера, показывая ее мессианскую направленность (*Keenan, 1986; Yanov, 1978, 1981, 1987; Laqueur, 1993; McDaniel, 1996*), в ряде последних работ был обнаружен тренд в сторону демократического развития (разделение властей, выборы, подотчетность, роль правовых норм и т.д.) и либеральных свобод, несмотря на то, что само слово «демократия» не пользуется популярностью (*Hahn, 1991; Whitefield and Evans, 1996; Wyman, 1996; Miller, White and Heywood, 1998; Colton and McFaul, 2002*).

Само мнение относительно демократии носит ярко выраженный негативный характер, так как в сознании людей она ассоциируется с общим падением уровня жизни и политическими конфликтами 90-х годов. В то же время поддержка политической дифференциации и социальной терпимости свидетельствуют о том, что на ценностном уровне общество близко подошло к западным принципам.

Исследования электорального поведения подтверждают эту точку зрения. Колтон и МакФол (*Colton and McFaul, 2003*) утверждают, что русские близки к тому, чтобы выбирая партии и кандидатов, действовать так же рационально, как и западные избиратели. В качестве доказательства, здесь можно привести выборы 1999 г., поскольку неубедительное выступление партий объясняется трезвым осознанием избирателями их бессилия в решении насущных российских проблем (*P. 159*). Эта ситуация повторилась на выборах 2003 г., когда несколько влиятельных партий либерального толка были лишены возможности выступать в качестве действующей силы в парламенте (*Sakxva, 2005*).

Колтон и МакФол отмечают, что авторитарные взгляды были лишь одним из факторов, побудившим избирателей поддержать Путина, подчеркивая, что даже «с точки зрения политических ценностей пропутинский электорат не был столь однозначно авторитарно настроен. Эти граждане, в отличие от избирателей Зюганова, не являлись столь яркими сторонниками сохранения советского строя. Что же касается войны в Чечне, они проявили в тот момент не большую воинственность, чем все российское общество» (*P. 220*).

Важно обратить внимание на то, что, по мнению Карамана (*Kagaman, 2004. P. 45*), по результатам последних опросов «российское общество даже в большей степени, чем можно было бы себе представить, становится похоже на западное, влияние же наследия репрессивного советского прошлого значительно снижается». Автор выделяет такое понятие, как «внутренняя эффективность», чувство политической осведомленности индивида, а также существование прямой зависимости между уровнями политического знания и восприятием своей возможности оказывать влияние на власть. Понятие внешней эффективности сводится к общественному восприятию действующей власти и проводимой ей политики. Индивид может хорошо осознавать свои политические предпочтения (внутренняя эффективность), но жестко критиковать проводимые политические и экономические реформы, чувствуя при этом невозможность изменить ситуацию (низкая внешняя эффективность). Таким образом, с ростом политического сознания, все большее количество людей осознают свою неспособность преодолеть разрыв между внешней и внутренней формами эффективности.

Несомненно, Кулберг и Циммерман (*Kulberg and Zimmerman, 1999*) точно определили «ценностный разрыв» между ориентированной на Запад либеральной элитой и рядовыми гражданами, обеспокоенными проблемами благосостояния и социальной справедливости, что неудивительно в условиях массовой нищеты. Подобная ситуация отражает лишь видение народом сегодняшнего положения дел и не является свидетельством глубокого ценностного восприятия.

Однако Гербер и Мендельсон (*Gerber and Mendelson, 2002*) пришли к выводу, что общество выступает за соблюдение экономических

прав, уделяя недостаточное внимание гражданским правам и свободам, оно даже готово временно отказаться от гражданских прав ради порядка и социальной безопасности.

Проблема выбора между порядком и свободой подробно рассмотрена Роузом и Монро (*Rose and Munro, 2002*), однако сделанные ими выводы не столь однозначны. В виду террористических актов, совершенных в России летом и осенью 2004 г., включая подрыв двух самолетов и захват школы в Беслане, общественное мнение поддержало необходимость установления порядка ценой отчуждения ряда свобод. Эта тенденция наблюдалась и в США после 11 сентября. Степень приверженности демократическим ценностям в постсоветской России, как и во всем мире, обусловлена соображениями выживания населения и нации (*Gibson, 1996*).

Поддержка осуществляемой Путиным консолидации государства свидетельствует о всеобщем осознании стоящей перед страной угрозы, и вовсе не говорит о коренящихся в политической культуре авторитарных традициях. Популярность сильной президентской власти в лице Путина (или де Голля) не исключает возможности распространения в обществе фундаментальных демократических ценностей. Как высказалась Елена Немировская, основатель Московской школы политических исследований, усиление президентской власти «показывает, что Россия даже в условиях царящего хаоса оказалась в состоянии выстроить сильный институт президентства. В то же время он близок российской традиции. Он часть этой традиции». Она утверждает, что такие демократические институты, как «Совет Федерации и Государственная Дума, СМИ, суды, региональные власти, органы местного самоуправления» тоже нуждаются в усилении. Те же, кто утверждает, что происходящая ситуация развивается в противоположном направлении, должны заняться восстановлением этих органов государственной власти, внося тем самым вклад в модернизацию общественной и политической жизни России, более глобальный процесс, выходящий за рамки руководства Ельцина или Путина (*Профиль, Август-Сентябрь 2004*. С. 27).

Это является примером внутренней политической эффективности, на практике подтверждающим идею, представленную Караманом в исследовании политической культуры.

Соответствие режима и общества

В чем состоит природа зарождающегося политического режима? Экштейн (*Eckstein, 1998*) выделяет два базовых принципа. Первый сводится к тому, что успешность действий правительств во многом зависит от того, насколько свойственный им тип управления соответствует управленческим моделям, присущим другим общественным единицам.

Второй сфокусирован на жизнеспособности и функционировании демократических режимов и звучит следующим образом: демократические режимы хорошо функционируют только в том случае, если их моделям управления свойственно «сбалансированное неравенство», то есть сочетание демократических и недемократических черт (Р. 4).

Это очень важная корректива для понимания посткоммунистического контекста, при рассмотрении которого достаточно часто чрезмерное внимание уделялось абстрактным принципам и процессам «демократизации», в ущерб решению такого вопроса, как формирование адекватного национальным условиям конституционного порядка (Р. 26-29). Другими словами, частичная адаптация является единственным способом установления жизнеспособного политического порядка, соответствующего национальным традициям.

Как отметил Каспэ (*Каспэ, 2001-2002. С. 23*), в долгосрочной перспективе эти и им подобные процессы могут привести к результатам, существенно отличающимся от промежуточных. Он утверждает, что «если российской демократии и суждено существовать исторически значимый отрезок времени, то она может быть только органичной своему субстрату, обречена стать ему органичной даже ценой заметного отклонения от идеального типа (потому, собственно, и идеального, что все реальные сообщества в той или иной степени от него отклоняются), – или будет отторгнута».

С этой точки зрения, президентство Путина, несмотря на все его противоречивые черты, можно, ссылаясь на идею, предложенную Каспэ, рассматривать как «объективный процесс, препятствующий отказу от демократии, реальная угроза которого существовала в последние годы правления Ельцина».

Теория соответствий является полезной составляющей, которая позволяет проанализировать дилемму самоутверждения и двойной адаптации в период демократического транзита. Происхождение традиционного неприятия плюрализма и нетерпимого отношения к альтернативам, свойственным демократическому движению, было ранее проанализировано Бирюковым и Сергеевым (*Biryukov and Sergeev, 1993*). Другими словами, личностное поведение и функционирование институтов определяется более широкими культурными схемами. Как много лет назад утверждал Пай (*Pye, 1964*), далеко не все возможно в переходный период. Если провести аналогию с исследованиями сложностей становления демократии в Азии (*Pye, 1985*) и Латинской Америке (*Booth and Selingson, 1993*) можно прийти к выводу, что концептуальная проблема установления баланса между столь важными факторами, как структура и деятельность, национальный характер и политическая воля, пока еще далека от разрешения.

Конкретные личности, конечно, не отходят на второй план, а опираются на культурный капитал с целью укрепления властных позиций

для транслирования своих идей и демонстрации политической платформы. В то же время, лидеры могут играть решающую роль в формировании общественных ценностей и определении повестки дня. По мнению Бьоркмана (*Bjorkman, 2003*), многолика природа лидерства Путина и его умение влиять на политический климат в стране создают относительно хорошие предпосылки для развития демократии в России; но это осуществимо лишь в том случае, если ему удастся заручиться необходимой поддержкой и пониманием Запада, которое может основываться лишь на понимании того, что в ходе внешней адаптации Россия также нуждается в самоутверждении.

Проблема соответствия была одним из вопросов, затронутых Путиным на встрече 6 сентября 2004 г. Его уверенность в том, что успешность демократизации зависит от уровня общественного развития, степени институциональной консолидации и настроений народа, является ярким примером действия теории соответствий на практике. Патерналистская составляющая мыслей, изложенных Президентом, ограничение народа в праве принятия самостоятельных решений с самого начала были характерной чертой российской модели либерализма. Меры, предпринятые Путиным 13 сентября г., показали, что он всерьез воспринимает опасность проникновения посредством демократических процедур в органы региональной власти представителей криминальных структур, не говоря уже об угрозе терроризма и дезинтеграции страны. Однако консолидация технократического и бюрократического государства, осуществленная Путиным, не способствовала развитию плюрализма и конституционного правления. Этот случай может рассматриваться как типичный со времен Петра Великого ответ российских лидеров на внешний вызов, что в целом, по мнению Саттера (*Satter, 2003. P. 35*), отражает «психологический портрет коммунизма».

Самоутверждение и двойная адаптация

На основании рассмотренной дискуссии можно прийти к выводу, что политические традиции имеют более гибкий и неоднозначный характер, нежели это виделось исследователям политической культуры прошлых лет. Всегда существует набор традиций, из которых, по утверждению Александра (*Alexander 2000*) и Петро (*Petro, 1995*), мы выбираем. Довольно часто традиции принимаются на щит с целью продвижения интересов тех или иных элитных групп. Сегодня процессы воспроизводства традиций на постсоветском пространстве достигают таких масштабов, что могут быть сравнимы лишь с ситуацией в Европе и Африке в межвоенный период (*Hobsbawm and Ranger, 1984*). Главный конфликт разворачивается вокруг двух векторов развития – адаптации западному стилю управления и сохранением «самобытности» страны. С этой точки зрения,

Россия представляется цивилизацией, способной полностью адаптироваться к внешним нормам лишь в тот момент, когда самой ее целостности угрожает опасность. Эта цивилизационная особенность создала предпосылки для появления такого явления, которое мы называем частичной адаптацией: попытки осуществления экономической и технологической модернизации, посредством приведения страны в соответствие со стандартами наиболее развитых государств и экстенсивного заимствования отдельных норм, при том, что некоторые сферы остаются нетронутыми. Сохранение подобных областей придает российской политике ощущение двойственности. В царскую эпоху попытки ослабить авторитарный режим всегда встречали жесткое противостояние, даже тогда, когда страна вступала на путь ускоренной модернизации. Эта особенность, в новом проявлении, стала основной чертой советского режима. Заимствуя элементы западной идеологии, советский режим с ловкостью искажал ее потенциал, создавая новую архаичную форму правления, которая позиционировалась как прогрессивный вариант социальной модернизации, в то время как на самом деле этот режим искоренял в обществе саму идею модерна. Некоторые аналитики усмотрели схожую логику в консолидации режима в период правления Путина.

Соответствие Западу наблюдается в сферах производства, инфраструктуры и в военной области, несоответствие – в области политики. Проблема двойственного развития ведет к тому, что эта противоречивая логика затрагивает и общественные процессы. Вестернизация отдаляет Россию от ее собственного прошлого, что естественно вызывает протесты со стороны консервативно (если не реакционно) настроенных сил. Архаический характер политической жизни в последние годы иранской монархии сопровождался перемещением оппозиционной активности союзов, партий и средства массовой информации в мечети, духовные школы, на рынки – в места сосредоточения религиозных консерваторов. Все это привело к десекуляризации общественной жизни и эволюции более традиционалистской политической культуры, которая в результате стала доминирующей составляющей политической жизни страны.

Частичная адаптация вызвала противостояние вестернизации в области культуры и политики на цивилизационном и культурном уровне. В то же время, Япония демонстрирует более успешный вариант модернизации, осуществленной по модели двойственной адаптации (*Eisenstadt, 1978, Eisenstadt and Eyal Ben-Ari, 1990*), тогда как Китай сегодня переполняет противоречия, порожденные такой стратегией адаптации.

Уже в самой модели модернизации, осуществляемой по двойному пути адаптации – к западным и исконно русским традициям, заключено противоречие. Путин предпринял попытку преодолеть те противоречия, вызванные дилеммами, традиционно свойственными самой логике модернизации. Для этого он стремился найти некий «третий

путь», лежащий между стратегией адаптации нео-либерального толка и радикального традиционализма, посредством установления консенсуса между сторонниками модернизации и консерваторами.

Модель развития, выдвинутая Путиным, напоминает период конституционной монархии в России 1906-1913 гг., когда на фоне достаточно изолированного политического режима происходил стремительный рост экономики, сопровождавшийся активным развитием либерализма, партий и элементов гражданского общества.

Эти тенденции стали проявляться вновь при попытке выйти за рамки ограниченной модернизации. Одно из следствий политики частичной адаптации – распространение политической изоляции правящих групп, порождающее такую отличительную черту российской политической культуры (*Michael Urban, 1994*), как логика бинарного противостояния. На практике это выражается в стремлении правящего режима оградить себя от влияния законов и конституционных норм, отказываясь от несения ответственности перед общественными силами и институтами, действующими снизу. Это не столько наследие прошлого, сколько политика настоящего, которая влияет на формирование сегодняшнего режима.

Эту логику двойных стандартов исследовал Роберт Крумми (*Csumme, 1989*). Между реформами, направленными на модернизацию и лицами, их осуществляющими, образуется разрыв, в связи с тем, что последние стремятся сохранить свою целостность и автономию, ограждая себя от влияния процессов модернизации. Как говорил о царском режиме Уолтер Пинтер: «Почему мы полагаем, что столь авторитарный режим отменит те принципы, на которых он построен?» (*Pinter, 1989. P. 97*). Основная движущая сила модернизации в том, чтобы доказать, что Россия вовсе не отстает от других стран в геополитическом отношении, но к процессу модернизации следует подходить избирательно и частично.

Как выразил это Алленсворт (*Allensworth, 1998. P. 329*) «Модернизировать – значит разрушать, и, может быть, даже уничтожать общества, существовавшие без изменений на протяжении столетий. .. С другой стороны, отказ от модернизации может оказаться еще более губительным для общества, поскольку в этом случае его судьба окажется в руках более технологически развитого Другого».

Противоречия между сохранением самобытности и достижением мировой конкурентоспособности остаются и по сей день. Избирательное внедрение западных практик и институтов сопровождается стремлением сохранить «особую русскую форму» (*Von Laue. P. 34*).

Однако частичная адаптация и избирательная модернизация породили конфликты, ставшие причинами революций и других политических взрывов. Об этом свидетельствуют и осуществленная Горбачевым перестройка, и крушение царского режима в 1917 г., это может быть справедливо и в отношении модернизации постсоветской России.

- Блях ер Л. (2002) «Презумпция виновности»: Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra. Vol. 7. № 3. С. 77-91.
- Каспэ С. И. (2001-02) «Центр и вертикаль»: политическая природа путинского президентства // Политая. № 4 (22). Зима. С. 5-24.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. (1997) Типы власти в сравнительно-исторической перспективе. М.: ИНИОН.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. (2001) «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. № 4. С. 37-48.
- Пивоваров Ю. (2002) Русская политическая культура и *political culture* (общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. Vol. 7. № 3. С. 23-50.
- Соловей В. (2002) Русские против империи // Свободная мысль. № 12. С. 74-88.
- Шестопал Е.Б. (ed.) (2004) Образы власти в постсоветской России. М.: Алтейя.
- Alexander, James (2000). *Political Culture in Post-Communist Russia: Formlessness and Recreation in a Traumatic Transition*. New York, St. Martin's Press.
- Allensworth, Wayne (1998). *The Russian Question: Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield.
- Anderson, Benedict (1983). *Imagined Communities, Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, Verso.
- Biryukov, Nikolai, and V. M. Sergeev (1993), *Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism and Traditional Culture*. Aldershot, Edward Elgar.
- Blackbourn, David and Geoff Eley (1984). *The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany*. Oxford, Oxford University Press.
- Boobbyer, Philip (2005). *In Search of Conscience: The Ethics of Dissent and Reform in Late Soviet Russia*. London, RoutledgeCurzon.
- Booth, John A. and Mitchell A. Selingson, «Paths to Democracy and the Political Culture of Costa Rica, Mexico, and Nicaragua», in Larry Diamond (ed.), *Political Culture and Democracy in Developing Countries*, Boulder, CO, Lynne Rienner.
- Bradley, Joseph (1995). «Russia's Parliament of Public Opinion: Association, Assembly, and the Autocracy, 1906-1914», in Theodore Taranovski (ed.). *Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle?* Cambridge, Cambridge University Press. P. 212-236.
- Bradley, Joseph (1995). «Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia», *The American Historical Review*. Vol. 107. No. 4. October. P. 1094-1123.
- Brown, Archie (1984). *Political Culture and Soviet Studies*. London, Macmillan.
- Brown, Archie (2004). «The Soviet Union: Reform of the System or Systemic Transformation?» *Slavic Review*. Vol. 63. No. 3. Fall. P. 489-504.

Brown, Archie and Lilia Shevtsova (eds) (2001). *Gorbachev, Yeltsin, and Putin: Political Leadership in Russia's Transition*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace.

Bunce, Valerie (1999). *Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and the State*. Cambridge, Cambridge University Press.

Burns, James MacGregor (1978). *Leadership*. New York, Harper & Row.

Cohen, Stephen F. (2004). «Was the Soviet System Reformable?» *Slavic Review*. Vol. 63. No. 3. Fall. P. 459-488.

Colton, Timothy J. and Michael McFaul (2002). «Are Russians Undemocratic?» *Post-Soviet Affairs*. Vol. 18. No. 2. P. 91-121.

Colton, Timothy J. and Michael McFaul (2003). *Popular Choice and Managed Democracy: The Russian Elections of 1999 and 2000*. Washington, DC, Brookings.

Crummey, Robert O. (ed.) (1989). *Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects*. Urbana, IL, University of Illinois Press.

Custine, Marquis De (1991). *Letters From Russia*. London, Penguin Books.

Daniels, Robert V. «Revolution, Modernization and the Paradox of Twentieth-Century Russia», *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*. Vol. XLII. No. 3. September 2000. P. 249-268.

Duncan, Peter (2000). *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After*. London, Routledge.

Eckstein, Harry (1998). «Congruence Theory Explained», in Harry Eckstein, Frederic J. Floner Jr., Erik P. Hoffmann, and William M. Reissinger, *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield.

Eisenstadt, S.N. (1978). *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York, Free Press.

Eisenstadt, S. N. and Eyal Ben-Ari (eds) (1990). *Japanese Models of Conflict Resolution*. London, Kegan Paul.

Gerber, Theodore P. and Sarah E. Mendelson (2002). «Russian Public Opinion on Human Rights and the War in Chechnya». *Post-Soviet Affairs*. Vol. 18. No. 4. P. 271-305.

Gibson, James L. (1996). «A Mile Wide but an Inch Deep?: The Structure of Democratic Commitments in the Former USSR». *American Journal of Political Science*. Vol. 40. No. 2.P. 396-420.

Glenny, Misha (1990). *The Rebirth of History: Eastern Europe in the Age of Democracy*. Harmondsworth, Penguin.

Goldgeier, James and Michael McFaul (2003). *Power and Purpose: American Policy Towards Russia after the Cold War*. Washington, DC, Brookings Institution Press.

Gramsci, Antonio (1971). *Selections from the Prison Notebooks*, edited and translated by Quin tin Hoare and Geoffrey Nowell Smith, London, Lawrence & Wishart.

- Hahn, Jeffrey W. (1991)., «Continuity and Change in Russian Political Culture», *British Journal of Political Science*. Vol. 21. P. 393-412.
- Hartog, Leo (1996). *Russia and the Mongol Yoke*. London, British Academic Press.
- Hobsbawm, Eric and Terence Ranger (eds) (1984). *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kant, Immanuel (1970). «An Answer to the Question: “What is Enlightenment?”» in Hans Reiss (ed.), *Kant: Political Writings*, second, enlarged edition. Cambridge, Cambridge University Press.
- Karaman, Tatyana (2004). «Political Efficacy and its Antecedents in Contemporary Russia». *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 20. No. 2. P. 30-49.
- Keenan, Edward L. (1986). «Muscovite Political Folkways», *Russian Review*. Vol. 45. No. 2. P. 115-81
- Kramer, Mark (2004). «The Reform of the Soviet System and the Demise of the Soviet State». *Slavic Review*. Vol. 63. No. 3. Fall. P. 505-512.
- Kulberg, Judith S. and William Zimmerman (1999). «Liberal Elites, Socialist Masses, and Problems of Russian Democracy». *World Politics*. Vol. 51. No. 3. P. 323-358.
- Kundera, Milan (1984). «The Tragedy of Central Europe». *New York Review of Books*. 26 April.
- Laqueur, Walter (1993). *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. New York, HarperCollins.
- Lipset, Seymour Martin (1959). «Some Social Requisites of Democracy», *American Political Science Review*. Vol. 53. No. 1. March 1959. P. 69-105.
- Lipset, Seymour Martin (1994). «The Social Requisites of Democracy Revisited». *American Sociological Review*. Vol. 59. No. 1. February 1994. P. 1-22.
- Lukin, Alexander (1999). *Political Culture of Russian Democrats*. Oxford, Oxford University Press.
- Marks, Steven (2003). *How Russia Shaped the Modern World: From Art to Anti-Semitism, Ballet to Bolshevism*. Princeton, NJ, 2003.
- McDaniel, Tim (1996). *The Agony of the Russian Idea*. Princeton, Princeton University Press.
- Miller, William L, Stephen White and Paul Heywood (1998). *Values and Political Change in Postcommunist Europe*. Basingstoke, Macmillan.
- Moore, Barrington, Jr. (1967). *The social origins of Dictatorship and Democracy*. Allen Lane, Penguin, London.
- Neumann, Iver B. (1995). *Russia and the Idea of Europe*. London, Routledge.
- Neumann, Iver B. (1999). *Uses of the Other: «the East» in European Identity Formation*. Manchester, Manchester University Press.

- Petro, Nicolai N. (1995). *The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Petro, Nicolai N. (2004). *Crafting Democracy: How Novgorod has Coped with Rapid Social Change*. Ithaca, NY, Cornell University Press,
- Pinter, Walter M. (1989). «Reform and Counter-Reform, 1855— 1894» in Robert O. Crummey, (ed.). *Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects*. Urbana, IL, University of Illinois Press.
- Poe, Marshall T. (2003). *The Russian Moment in World History*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
- Polan, A. J. (1984). *Lenin and the End of Politics*. London, Methuen.
- Pozdnyakov, Elgiz (1993). «Russia is a Great Power». *International Affairs* (Moscow). No. 1. P. 3-13.
- Pushkarev, Sergei (1988). *Self-Government and Freedom in Russia*. Boulder, Westview Press.
- Putin, Vladimir (2004). «Obrashchenie prezidenta Rossii Vladimira Putina», *Kommersant*. 6 September. P. 2.
- Putnam, Robert D. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
- Pye, Lucian W. (1964). «Political Culture and Political Development» in Lucian W. Pye and Sidney Verba (eds). *Political Culture and Political Development*. Princeton, Princeton University Press.
- Pye, Lucian W. (1985). *Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority*. Cambridge, Harvard University Press.
- Reddaway, Peter and Dmitri Glinski (2001), *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, DC, The United States Institute of Peace Press.
- Rose, Richard and Neil Munro (2002). *Elections without Order: Russia's Challenge to Vladimir Putin*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Rueschmeier, Dietrich, Evelyne Huber Stephens and John D. Stephens (1992). *Capitalist Development and Democracy*. Cambridge, Polity Press.
- Sakwa, Richard (2004). *Putin; .Russia's Choice*. London and New York, Routledge.
- Sakwa, Richard (2005). «The 2003-2004 Russian Elections and Prospects for Democracy». *Europe-Asia Studies*, forthcoming.
- Satter, David (2003). *Darkness at Dawn: The Rise of the Russian Criminal State*. New Haven, CT, Yale University Press.
- Szamuely, Tibor (1988). *The Russian Tradition*, London, Fontana.
- Thurston, Robert W. (1987). *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906-1914*. Oxford University Press, 1987.
- Truscott, Peter (1997). *Russia First: Breaking with the West*. London, I. B. Tauris.

- Tucker, R. C. (1987). *The Political Culture of Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev*. Brighton, Wheatsheaf.
- Urban, Michael (1994). «The Politics of Identity in Russia's Post-communist Transition: The Nation against Itself». *Slavic Review*, Vol. 53. No. 3. P. 733-65.
- Von Laue, Theodore H. (1963). *Sergei Witte and the Industrialisation of Russia*. New York, Columbia University Press.
- White, Stephen (1979a). *Political Culture and Soviet Politics*. London, Macmillan.
- White, Stephen (1979b). «The USSR: Patterns of Autocracy and Industrialisation» in Brown, A., and J. Gray (eds). *Political Culture and Change in Communist Systems*. London, Macmillan. P. 25-65.
- White, Stephen (1984), «Political Culture in Communist States: Some Problems of Theory and Method». *Comparative Politics*. Vol. 16.
- Whitefield, Stephen and Geoffrey Evans (1996). «Support for Democracy and Political Opposition in Russia, 1993-1995». *Post-Soviet Affairs*. Vol. 12. No. 3. P. 218-242.
- Wyman, Matthew (1996). *Public Opinion in Postcommunist Russia*. London, Macmillan.
- Yanov, A. (1978). *The Russian New Right: Right-Wing Ideologies in the Contemporary USSR*. Berkeley, CA, Institute of International Studies.
- Yanov, A. (1981). *The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History*. Berkeley, University of California Press.
- Yanov, A. (1987). *The Russian Challenge and the Year 2000*. Oxford, Basil Blackwell.